

Р. А. Беспалов

Независимый исследователь, Белёв, Тульская область, Россия. gostunsky@gmail.com

О ДАТИРОВКЕ ДОКОНЧАНИЯ КНЯЗЯ ФЕДОРА ЛЬВОВИЧА ВОРОТЫНСКОГО С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ЛИТОВСКИМ КАЗИМИРОМ

Договор между князем Федором Львовичем Воротынским и великим князем литовским Казимиром сохранился в копии конца XVI в. В его датировке год и индикт не соответствуют друг другу и имеют расхождение на пять лет. В данном исследовании предпринята попытка определить подлинную дату заключения договора.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское, Новосильско-Одоевская земля, верховские княжества, дипломатика

В конце июля — начале августа 1427 г. князя новосильского дома во главе с великим князем Юрием Романовичем принесли присягу великому князю литовскому Витовту и заключили с ним договор о службе Литве. По своей форме он представлял собой присяжно-договорную грамоту¹. Продолжением этого «Витовтова докончания», видимо, уже в начале правления великого князя литовского Свидригайла в 1432 г. стали два договора, которые затем продлевались независимо друг от друга. Так, во-первых, возникла серия литовско-одоевских договоров, в которых контрагентами великого князя литовского с новосильской стороны были одоевские и белёвские князья; во-вторых, серия литовско-воротынских договоров, в которых контрагентами были воротынские князья, также сохранявшие за собой титул новосильских и одоевских [Беспалов, 2015, с. 49–51]. До наших дней дошли два литовско-одоевских договора: 1459 и 1481 г.² — и два литовско-воротынских: 1440-х и 1483 г.³ Каждый из таких договоров имел два противня: один был составлен со стороны литовского господаря и передавался князьям новосильского дома (см. противень 1483 г.); другой составлялся со стороны новосильских князей и передавался литовскому господарю (см. противни 1440-х, 1459, 1481 г.).

Самый ранний из них, договор князя Федора Львовича Воротынского (Новосильского и Одоевского) с великим князем литовским Казимиром, сохранился в особом фрагменте пятой книги записей Литовской метрики, представляющем собой памятник конца XV в. в составе книги-копии конца XVI в.⁴ В 1770-х годах в Варшаве с нее была снята новая копия польской транскрипцией⁵. Затем в конце XVIII в. под руководством А. С. Нарушевича по варшавской копии ряд литовско-новосильских грамот был переведен на латынь⁶. В 1821–1822 г. также с варшавской копии К.И. Буссе сделал список литовско-новосильских грамот для коллекции графа Н. П. Румянцева⁷.

¹ Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376–1430. Crakoviae, 1882. № 1298. S. 778–780; № 1329. S. 798–800; [Беспалов, 2015, с. 5–6, 9–10, 45–46].

² ДДГ. № 60. С. 192–193; Lietuvos metrika (далее — LM). Кн. 5. Vilnius, 2012. № 542. P. 359–360; [Казакоў, с. 297–300].

³ ДДГ. № 39. С. 117–118; LM. Кн. 5. 2012. № 535. P. 352–353; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 80. С. 100–101; [Бяспалаў, Палехаў, с. 217–223].

⁴ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 5. Л. 298 об.—299 об.

⁵ Archiwum główne akt dawnych. Metryka Litewska. Transkrypcje. Ks. 192. S. 507–508.

⁶ Договор князя Федора Львовича с Казимиром сохранился в переводе на латынь в 18-м томе папок Нарушевича в библиотеке князей Чарторыйских в Кракове (Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. Т. 18. Nr. 30. S. 133–134). Еще две копии договора: на русском (в польской транскрипции) и в переводе на латынь — содержатся в рукописи конца XVIII в., которая происходит из библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве, а ныне хранится в библиотеке им. В. Стефаника во Львове. Данная рукопись тоже относится к папкам Нарушевича ([Katalog, s. 324, 328]; Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 1–2).

⁷ РГБ. Ф. 256. Ед. хр. 74. Ч. 3. Л. 65–68; [Описание, с. 136].

В списке конца XVI в. интересующий нас литовско-воротынский договор имеет датировку: «А писано в Троцехъ, под леты Рожества Хр(и)с(то)ва 1447, м(е)с(я)ца фев(раля) 20 день, инъдик 5». На левом поле рукописи перед последней строкой текста имеется пометка XIX в.: «1447». Проблема датировки состоит в том, что год и индикт не соответствуют друг другу.

Первая публикация грамоты (1836 г.) была выполнена П. А. Мухановым по варшавской копии XVIII в. (в переложении с польской на русскую транскрипцию), в ней был указан 1447 г.⁸ Следующую публикацию (1846 г.) И. И. Григорович делал по списку конца XVI в. В заголовке и в тексте самой грамоты без всяких оговорок он указал 1442 г., отступив от рукописи и приведя год в соответствие с индиктом 5⁹. В 1876 г. Ю. Шуйский издал перевод грамоты на латынь из папок А. С. Нарушевича конца XVIII в. Как и в публикации П. А. Муханова, несоответствие «Anno a Nativitate Domini 1447» с «indictuone quinta» никак не комментировалось¹⁰. Следующие три публикации были выполнены по списку конца XVI в. Л. В. Черепнин (1950 г.) в заголовке к грамоте указал 1442 г., в тексте грамоты напечатал «1447», но в сноске заметил, что «должно быть: 1442»¹¹. В публикации, подготовленной Э. Банионисом (1993 г.), в сноске и в примечаниях высказано другое мнение. Замечено, что здесь «явная ошибка переписчика», вероятно, сделанная при копировании грамоты еще в XVI в. За основу датировки предложено брать 1447 г., а «индикт 5» считать ошибкой, поскольку 20 февраля 1447 г. соответствует индикту 10¹². В новой публикации пятой книги записей Литовской метрики 2012 г. издатели А. Балюлис, А. Дубонис и Д. Антанавичус в заголовке к грамоте вернулись к датировке 1442 г. По поводу даты, записанной в ее тексте, в сноске указали: «так в рукописи, должен быть 10 индикт; ([в заголовке же]. — Р. Б.) 1442 год указан в соответствии с 5 индиктом»¹³.

В историографии в основном использовалась датировка 20 февраля 1442 г. без попыток установить, какая из двух датировок верная [Довнар-Запольский, с. 41–42; Kuczyński, s. 131–133, 135; Шеков, с. 140–141]. Лишь М. М. Кром связал заключение договора в это время со сменой великого князя на литовском престоле [Кром, 1995, с. 39–41]. В двух публикациях 2012 г. мной также приводились доводы в пользу того, чтобы датировать интересующий нас литовско-воротынский договор 1442-м годом [Беспалов, 2012а, с. 50–51, примеч. 28; Беспалов, 2012б, с. 32–33]. Однако следует признать, что они являются лишь косвенными и не решают вопрос окончательно. Наряду с ними можно предложить аргументы и о датировке грамоты 1447-м годом.

Предварительно уточним наблюдения предшественников: ошибка датировки договора содержится или в единичном разряде года, или в обозначении индикта. Она была допущена либо при составлении копии конца XV в., либо при составлении копии конца XVI в., а затем отразилась в последующих более поздних списках.

В литовско-новосильских докончаниях почти не содержится каких-либо примечательных сведений, которые были бы характерны только для времени их составления, что дало бы подсказку для датировки. Напротив, форма договоров застыла со времен «Витовтова докончания» 1427 г.,

⁸ Сборник Муханова. М., 1836. № 4. С. 4–5; Сборник Муханова. Изд. 2-е. СПб., 1866. № 4. С. 4–5.

⁹ АЗР. Т. 1. № 41. С. 55–56. Вскоре по этому изданию грамота была переведена на польский язык М. Малиновским [Malinowski, s. 490–492].

¹⁰ Codex epistolaris saeculi decimi quinti. Crakoviae, 1876. Т. 1. Pars 2. № 8. S. 13–14.

¹¹ ДДГ. № 39. С. 117–118. По этому изданию грамота была перепечатана А. И. Цепковым (Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. [Рязань, 1997]. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты. № 101. С. 639–640; Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Рязань, 2005. Т. 1. № 20. С. 170–172).

¹² LM. Kn. 5. Vilnius, 1993. № 130–132. P. 247–249, 332.

¹³ LM. Kn. 5. 2012. № 535. P. 352–353.

поэтому некоторые их свидетельства сделались анахроничными¹⁴, некоторые старые положения перестали соответствовать новым реалиям¹⁵, не хватало описания новых возникших обстоятельств¹⁶ [Беспалов, 2015, с. 40–42].

К уникальным чертам относятся место и время заключения каждого договора. Однако итинерарий Казимира для датировки интересующей нас грамоты дает мало. Известно, что 14 февраля 1442 г. литовский господарь находился в Троках¹⁷, где мог пребывать и через шесть дней. Также сохранился акт судебного дела от 14 февраля 1447 г., составленный именем «короля Литвы» Казимира в Перемышле¹⁸, что довольно далеко от Троков (более 600 км). Однако Г. Рутковска указала на то, что составление подобных актов не требовало присутствия самого Казимира, и не включила Перемышль в перечень посещенных им мест [Rutkowska, s. 70, prz. 84]. Также она выразила сомнение в необходимости его присутствия и при заключении договора с князем Федором Львовичем [Rutkowska, s. 65, prz. 43]¹⁹.

В литовско-одоевских договорах 1459 и 1481 г. (в противных грамот одоевских и белёвских князей, данных Казимиру) имеются списки одоевских и белёвских бояр. В интересующем нас литовско-воротынском договоре список воротынских бояр отсутствует. Поэтому можно думать, что князь Федор Львович Воротынский лично приезжал в Троки. В феврале 1442 г. Казимиру было всего 14, а в феврале 1447 г. — 19 лет. Хотя он и представлял собой верховную власть, но столь важные государственные дела готовили паны рады, которые своим решением посадили Казимира на великое литовское княжение. В раду входили высшие государственные чиновники: некоторые литовские князья, виленский (католический) епископ, виленский воевода, трокский воевода, земский маршалок и другие. Их перечень наверняка был в противне dokonчания Казимира, выданном князю Федору Львовичу (см. dokonчание 1483 г.). Паны рады также утверждали жалованную грамоту, выданную Казимиром князю Федору Львовичу в 1455 г.²⁰ Среди них выделим пана Ивана Кгастовта (Яна Гаштольда). К 1440-м годам, наряду с виленским епископом Матеем, он был самым опытным членом господарской рады. Состоял в ней как минимум с 1426 г., когда стал служить дворным маршалком. В этой связи наверняка хорошо знал о прежней службе князя Федора Львовича Витовту. Затем в той же должности стал служить Свидригайлу, но в 1432 г. оказался на стороне Сигизмунда и при нем с 1436 до начала 1440 г. был смоленским наместником [Любавский, 1901, с. 320–321, 324–325, 327–328; Пятраўскас, с. 229–230]. Покинул Смоленск по письму Сигизмунда, но не застал его в живых. По смерти Сигизмунда был одним из инициаторов приглашения малолетнего Казимира на литовский престол и способствовал

¹⁴ Например, в «Витовтовом dokonчании» 1427 г. упоминались самостоятельные отношения новосильских князей с великим князем пронским. Уже к 1434 г. он потерял статус великого, затем Пронское княжество и вовсе было ликвидировано, однако в литовско-новосильских договорах до конца XV в. по-прежнему упоминалась возможность отношений новосильских князей с великим князем пронским.

¹⁵ Текст «Витовтова dokonчания» 1427 г. со стороны новосильских князей являлся коллективным договором и был составлен от всей «Новосильской и Одоевской земли». По его образцу был составлен и договор князя Федора Львовича. Однако на самом деле ему не принадлежали уделы его двоюродных братьев. В единоличном договоре с Казимиром он мог отстаивать наследственные права своих детей только на свою вотчину, поскольку владел не всей Новосильско-Одоевской землей, а только ее частью — собственным уделом.

¹⁶ Первоначально при поступлении новосильских князей на литовскую службу у них имелась только своя исконная вотчина. Со временем к ней добавилась приобретенная вотчина. К концу XV в. при расторжении договора о службе Литве новосильские князья стали стремиться отъехать от Литвы не только со своей, но и с приобретенной вотчиной, что вызывало протест литовской стороны. В «Витовтовом dokonчании» эта правовая коллизия не была предусмотрена.

¹⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. 1. С. 536.

¹⁸ Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. Lwów, 1888. Т. 13. № 3307. S. 238.

¹⁹ В итинерарии Казимира, составленном Г. Рутковской, dokonчание князя Федора Львовича Воротынского с Казимиром используется в качестве источника для датировки пребывания Казимира в Троках и в 1442, и в 1447 г. Еще одна грамота от 5 февраля 1448 г. также используется и под 1447 г. [Rutkowska, s. 65, 70].

²⁰ LM. Kn. 3. Vilnius, 1998. P. 37, 39.

утверждению его власти²¹. В 1440—1442 г. был трокским, а в 1443—1458 г. — виленским воеводой [Wolff, s. 56, 72]. Поэтому можно думать, что пан Иван Кгастовт играл далеко не последнюю, если не главную роль в подготовке докончания Казимира с князем Федором Львовичем.

В «Витовтовом докончании» 1427 г. была предусмотрена возможность продолжения службы новосильских князей Литве после смерти одного из контрагентов: великого князя литовского или старшего новосильского князя. Условия службы должны были скрепляться таким же договором, иначе предыдущий договор считался бы расторгнутым. По различным причинам возобновление предыдущих литовско-новосильских договоров могло несколько затягиваться. После смерти Витовта († 27 октября 1430 г.) в июне 1432 г. новосильские князья возобновили прежнее докончание со Свидригайлом. По смерти князя Федора Львовича († между концом 1480 и осенью 1482 г.)²², в 1483 г. его потомки стали его преемниками в отношениях с Казимиром и заключили с ним новый договор [Бяспалаў, Палехаў, с. 218—223]. После смерти Казимира († 1492 г.) князь Семен Федорович Воротынский предпринял безуспешную попытку возобновить литовско-воротынский договор с великим князем литовским Александром²³. По смерти князя Ивана Юрьевича Одоевского († после 14 марта 1477 г.)²⁴, в 1481 г. его сыновья стали его преемниками в отношениях с Литвой [Казакоў, с. 297—300].

Из этой общей схемы явно выпадает договор князя Ивана Юрьевича Одоевского с Казимиром 1459 г. Тем не менее ранее вслед за М. М. Кромом мною предполагалось, что заключение договора князя Федора Львовича Воротынского с Казимиром могло состояться в рамках принятых ранее соглашений и установившейся практики. В 1440 г. на литовском престоле сменился великий князь — в этой связи новый литовско-воротынский договор мог быть заключен 20 февраля 1442 г. [Беспалов, 2012а, с. 50—51, примеч. 28; Беспалов, 2012б, с. 32—33; Кром, 1995, с. 39—40].

Однако здесь следует учесть и то, что на службе Свидригайлу князья новосильского дома действовали против Сигизмунда и даже вступали в вооруженную борьбу с ним²⁵. После падения власти Свидригайла около 1436—1437 г. они вынуждены были перейти на московскую службу. Позже Иван III заявлял литовским послам: «...отцу нашему, великому князю (Василию II. — Р. Б.), и намъ и при самом короле (Казимире IV. — Р. Б.) техъ князей деды и отци служили съ своими отчинами: князь Иванъ и князь Семень Одоевские, и князь Федоръ Воротынский, и белевские князи и ихъ дети»²⁶. В родословных книгах сохранилось свидетельство о том, что великий князь московский Василий свел белёвских князей Федора и Василия Михайловичей на Волк Ламский в опале, а их город Белёв забрал себе²⁷. Как видим, во второй половине 1430-х годов предусмотренный «Витовтовым докончанием» порядок продления или возобновления литовско-новосильских договоров нарушился. Поэтому смерть Сигизмунда (20 марта 1440 г.) не гарантировала заключения нового литовско-воротынского договора именно в 1442 г.

Некоторые основания для датировки может дать одно важное следствие из литовско-новосильских договоров. По докончанию, Казимир должен был жаловать князя Федора Львовича за службу, в том числе наделять его земельными пожалованиями [Беспалов, 2015,

²¹ ПСРЛ. М., 1975. Т. 32. С. 155—159.

²² Князь Федор Воротынский был жив еще осенью 1480 г., «коли царь [Ахмат] былъ на Угре» (Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 136). Видимо, во время похода воротынских князей для обороны Киевской земли от татар осенью 1482 г. имя князя Федора Воротынского было внесено в синодик Киево-Печерской лавры [Каманин, с. 6; Голубев, с. 31].

²³ СИРИО. Т. 35. С. 84.

²⁴ Последнее прижизненное упоминание о князе Иване Юрьевиче Одоевском см.: [Леонид (Кавелин), с. 106—107].

²⁵ Брат князя Федора Львовича князь Василий Львович сражался в битве при Ошмянах на стороне Свидригайла и погиб (Редкие источники по истории России (далее — РИИР). М., 1977. Вып. 2. С. 43).

²⁶ СИРИО. Т. 35. С. 51, 62.

²⁷ РИИР. Вып. 2. С. 112—113.

с. 22—30]. Согласно третьей книге записей Литовской метрики, некогда князь Федор Львович получил от Казимира волость Демену в Смоленской земле, которая, видимо, и была его первым пожалованием²⁸. Можно восстановить довольно насыщенную картину смены землевладельцев Демены в начале правления Казимира. После гибели Сигизмунда в Смоленской земле начался мятеж черных людей. Господарская власть в Смоленске была восстановлена только к 1 декабря 1440 г.²⁹ В подавлении мятежа участвовал пан Иван Кгастовт [Полехов, с. 192—196; Lazutka, Gudavičius, р. 82, 85, 86]. В итоге от имени Казимира он получил в вотчину смоленские владения князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского, которого мятежники избрали своим воеводой³⁰. Несмотря на то, что пан Кгастовт уже не был смоленским наместником, он еще оформил несколько пожалований местным служилым людям. Ивану Носину было дано поле Кухапарище на Демене. Иван Хлюпа получил в Деменской волости Снопот (Снопоток)³¹. Затем пан Кгастовт дал Снопоток князю Дмитрию Всеволодичу (Мезецкому), а Ивану Хлюпе выделил другое кормление³². Позже князь Дмитрий Всеволодич получил от панов рады волости Шую и Демену «в хлебокормлень»³³. Затем уже после него Григорий Мишкович получил в Шую село Лашенку, а в Демене — Снопотец³⁴. Должно быть, еще позже Григорий Мишкович получил всю Шую до воли великого князя³⁵. Очевидно, лишь после князя Дмитрия Всеволодича по распоряжению Казимира Демена отошла к князю Федору Львовичу. Затем 10 февраля 1448 г. воротынский князь получил новую грамоту. По ней к Демене добавился Снопотец, который ранее держал Григорий Мишкович, и целый ряд других пожалований в вотчину. В 1455 г. князю Федору Воротынскому и его детям в числе прочего было подтверждено вотчинное владение Деменой³⁶.

Если полагать, что князь Федор Львович поступил на литовскую службу 20 февраля 1442 г. и получил свое первое пожалование Демену, то смену владельцев Снопотка и всей волости Демены от Ивана Хлюпы, князя Дмитрия Всеволодича, Григория Мишковича — до князя Федора Воротынского придется уместить в очень короткий период: с 1 декабря 1440 г. — до 20 февраля 1442 г. Из них, например, мезецкие князья сами были крупными вотчинниками³⁷. М. К. Любавский показал, что «в хлебокормлень» села и волости обычно отдавались вследствие какого-то бедствия, произошедшего с владениями получателей, до тех пор, пока потенциал их собственных владений не будет восстановлен [Любавский, 1892, с. 592—596]. Владение «хлебокормленьем» подразумевало сравнительно длительный срок (обычно не менее года). К сожалению, в перечисленных записях Литовской метрики отсутствуют точные датировки. Однако изложенные обстоятельства заставляют усомниться, что князь Федор Львович мог получить Демену в 1442 г. Тем более вряд ли в это время он служил без пожалования Казимира, которое ему полагалось по договору о службе Литве.

В интересующем нас литовско-воротынском dokonчании содержится еще ряд примечательных моментов. Из семи литовско-новосильских грамот, имеющих полную датировку, шесть датированы в летоисчислении от Сотворения Мира (далее — С. М.) и только одна грамота — от Рождества

²⁸ ЛМ. Кн. 3. Р. 37, 39.

²⁹ С 14 ноября 1440 г. две с половиной недели в Смоленске проходила карательная операция против мятежников (ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 109—110).

³⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 46.

³¹ Ibid. Р. 45. Также некий Антон, Коптев сестрич, получил в Демене село Чупорки (Ibid. Р. 34). Хотя имя распорядителя не названо, видимо, это пожалование тоже относится примерно к тому же времени.

³² Ibid. Р. 46.

³³ Ibid. Р. 34.

³⁴ Ibid. Р. 47.

³⁵ Ibid. Р. 46.

³⁶ Ibid. Р. 37, 39.

³⁷ См.: Ibid. Р. 34, 44.

Христова (далее — Р. Х.)³⁸. Тем самым договор князя Федора Львовича с Казимиром выделяется среди других.

Датировки от Р. Х. проникали в русскоязычную письменность Великого княжества Литовского под влиянием западной (католической) традиции еще в XIV в. В первую очередь они использовались в русскоязычных актах сношений литовских князей с Польшей³⁹. То же касается актов сношений с Немецким орденом и Ливонией⁴⁰. Главным образом датировки от Р. Х. закрепились в русскоязычных грамотах Галицко-Волыньских земель и Малого Подолья, которые рано попали под влияние Польши, а затем были разделены между Польшей и Литвой. Некоторые из этих грамот сохранились как на русском языке, так и на латыни⁴¹. Вместе с тем писари великих князей литовских Сигизмунда и Казимира устойчиво использовали датировки от С. М. в грамотах внешних сношений со своими русскими соседями⁴² и Молдавией⁴³, а также во внутренних грамотах, касающихся большинства русских земель Великого княжества Литовского⁴⁴.

Датировки докончаний Казимира с Псковом 1440 г. и с князем Федором Львовичем Воротынским (Новосильским и Одоевским) оказываются довольно редкими отклонениями от сложившейся практики⁴⁵. Возможно два объяснения этому явлению: либо они составлялись писарями, привыкшими к западной традиции, либо одновременно с русскоязычной составлялась немецкоязычная или скорее латиноязычная копия этих договоров.

В предыдущих публикациях мной было замечено, что если не дошедший до нас оригинал был бы датирован на латыни, то в поздних списках погрешность датировки составляла бы всего один символ «V». Отсюда расхождение даты на пять лет [Беспалов, 2012а, с. 50–51, примеч. 28; Беспалов, 2012б, с. 32–33]. При более подробном рассмотрении предполагаемая процедура возникновения ошибки выглядела бы так: если в оригинале имелась датировка MCCCCXLII (1442) и если после разряда десятков имелась бы случайная помарка, похожая на «V», тогда спустя значительное время (когда настоящая дата была позабыта) ее датировка могла быть воспринята как MCCCCXLVII (1447) и записана русскими буквами под титлом как «#АУМЗ». Однако эта цепочка допущений состоит из череды случайностей и не выглядит убедительно.

Позже мной был реконструирован формуляр литовско-новосильского договора 1427 г. («Витовтова докончания») — противень грамоты новосильских князей, данной великому князю литовскому. Оказалось, что по отношению к формуляру грамота князя Федора Львовича, данная Казимиру, имеет ряд изъянов [Беспалов, 2015, с. 37–58]. Обратим внимание на следующие:

³⁸ Кроме перечисленных ранее см. также грамоты: ДДГ. № 49, 50. С. 149–150; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 536, 537. Р. 353–354; [Бяспалаў, Палехаў, с. 224–226].

³⁹ Сборник Муханова. Изд. 2-е. № 350; АЗР. Т. 1. № 10, 17–20; Сборник государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года). Вильно, 1858. Ч. 1. № 16, 17; Розов В. Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1. № 27; Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977. Вып. I. № 10.

⁴⁰ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Вып. I. № 33–35, 38, 40.

⁴¹ Множество таких грамот опубликовано в сборнике В. Розова и в актах Юго-Западной Руси (Розов В. Українські грамоти. Т. 1; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб., 1863. Т. 1). Также см.: Українські грамоти 15 ст. Київ, 1965. № 21, 29–31.

⁴² ГВНП. № 63; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 395, 533, 534, 535, 536, 537, 540, 541, 542, 545, 546.

⁴³ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 538, 539, 543, 544.

⁴⁴ ЛМ. Кн. 3. С. 24, 29, 56–58, 59, 69–82; Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1886. Ч. 7. Т. 1. С. 10–11, 36–38. Множество русскоязычных грамот XV в. с датировкой от С. М. собрано и опубликовано Ф. И. Леонтовичем (Акты Литовской метрики. Варшава, 1896–1897. Т. 1).

⁴⁵ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 534, 535.

О датировке dokonчания князя Федора Львовича Воротынского
с великим князем литовским Казимиром

Записано в грамоте:	Должно быть:
А великому князю Казимиру, по моему животе, и моимъ детямъ и моему наместнику у вотчыну князя Федора Лвовича, в земли и въ воды не въступатисе, поколь рубежъ Новосилской земли и Одоевской, его отчине , опроче того, што давно отошло.	А великому князю Казимиру, по моему животе, и его детямъ и его наместнику у вотчыну князя Федора Лвовича, в земли и въ воды не въступатисе, поколь рубежъ Новосилской земли и Одоевской, мое отчине , опроче того, што давно отошло.
А з великимъ князем московскимъ, хто будетъ Московское княжене великое держати, и великим князем переславскимъ, хто будетъ Переславское княжене великое держати, и со княземъ великимъ проньскимъ, хто будетъ княжене Проньское великое держати, имъ межы себе суд по старыне.	А з великимъ князем московскимъ, хто будетъ Московское княжене великое держати, и з великим князем переславскимъ, хто будетъ Переславское княжене великое держати, и со княземъ великимъ проньскимъ, хто будетъ княжене Проньское великое держати, намъ имети межы себе свои суд по старыне.
И чого межы себе не въправятъ , ино положыти на великого князя Казимиrove воли, и великому князю Казимиру того досмотрети и въправити...	И чого межы себе не управим [с тыми великими князьми у доканчани], ино положыти на великого князя Казимиrove воли, и великому князю Казимиру того досмотрети и въправити...
А о немъ коли мы сами, князи новоселскии супремься, и нам положыти на господара великого князя Казимира, и великому князю Казимиру межы их то управити.	А о чемъ коли мы сами, князи новоселскии супремься, и нам положыти на господара великого князя Казимира, и великому князю Казимиру межы насъ то управити.

Перечисленные ошибки означают, что сначала был составлен противень грамоты Казимира князю Федору Львовичу. Потом по нему был составлен противень грамоты князя Федора Львовича Казимиру. Некоторые правильные формулировки грамоты Казимира неосмотрительно были буквально переписаны в грамоту князя Федора Львовича, в контексте которой оказались ошибочными. Противень грамоты Казимира был предназначен для передачи князю Федору Львовичу, поэтому сложно предположить, что он был написан на латыни. Вполне очевидно, что это был русскоязычный текст. Нас же, во-первых, должен интересовать утраченный противень грамоты князя Федора Львовича, переданный Казимиру и хранившийся затем в литовском великокняжеском архиве; во-вторых, списанная с него копия конца XV в., с которой в конце XVI в. была сделана новая копия, дошедшая до наших дней.

В копии конца XVI в. имеется ошибочная датировка: «~~АУМЗ~~, индикт Е» (1447, индикт 5). Если бы в оригинале (или в копии конца XV в.) стояла дата «~~АУМВ~~, индикт Е» (1442, индикт 5), то предполагаемую довольно компактную букву «В» писарь должен был бы распознать неверно и в копии превратить ее в выразительную букву «З» с длинным «хвостом», что маловероятно. Если в оригинале (или в копии конца XV в.) стояла бы дата «~~АУМЗ~~, индикт I» (1447, индикт 10), то предполагаемую букву «I» в копии писарь должен был бы превратить в букву «Е». В русскоязычном письме Великого княжества Литовского XV–XVI в. десятичная буква «I» зачастую представляла собой вертикальную черту, пересеченную тремя (иногда двумя) горизонтальными чертами, вытянутыми вправо. Она часто была похожа на букву «Е», обозначающую цифру 5 (Рис. 1. № 1). Поэтому такая ошибка писаря, делавшего копию грамоты, вполне вероятна (см.: [Pietkiewicz, s. 268–270; Груша, с. 94–95, 104]).

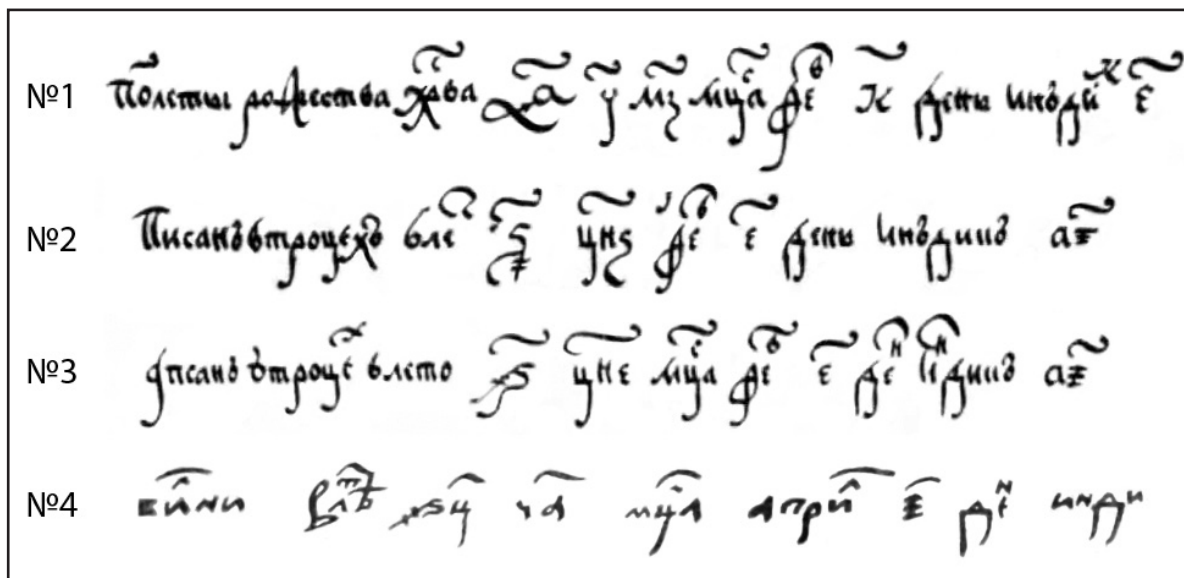

Рис. 1. Датировки литовско-воротынских грамот:

- № 1: «под леты Рожества Хр(и)с(то)ва 1447, м(е)с(я)ца фев(ра)ля 20 день, инѣдикъ 5».
РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 5. Л. 298 об.–299 об.;
- № 2: «Писанъ в Троцехъ, в лет(о) 6956, фев(ра)ля 5 день, инѣдикъ 11»
Там же. Л. 300–300 об.;
- № 3: «А п(и)санъ у Троцех, в лето 6955, м(е)с(я)ца фев(ра)ля 5 ден(ь), индикъ 11»
Там же. Л. 299 об.–300.;
- № 4: «[Писан у] Вил(ь)ни, в лет(о) 6991, м(е)с(я)ца апр(и)л(я) 10 ден(ь), инди[кт 1]»
РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 2–2 об.

Это не единственный случай порчи датировки литовско-воротынских грамот в Литовской метрике. Две другие грамоты, судя по их содержанию, были составлены в один день 5 февраля 1448 г., индикта 11. Однако в одной из них датировка испорчена: «†SIЦHE, индикт AI». В оригинале было: «†SIЦHS, индикт AI». Ошибка переписчика связана с тем, что исходную букву «S» с загнутым вправо хвостом он принял за букву «E», которую и отобразил в копии (Рис. 1. № 2, 3). С большой долей уверенности можно даже предположить, что проблемы возникли именно у писаря конца XVI в. при прочтении скорописи конца XV в.

Хотя мы не имеем исходных грамот-оригиналов и снова говорим о вероятностях, данные рассуждения теперь не предполагают длинной череды случайностей, а основаны на вполне конкретных палеографических наблюдениях. Они склоняют к мысли о том, что в оригинале dokonчания князя Федора Львовича с Казимиром, в том противне, который хранился в литовском великокняжеском архиве, а также, видимо, еще и в его копии конца XV в. имелась датировка «†AУМЭ, индикт I» (1447, индикт 10).

Аргументы для подкрепления этой датировки можно найти в более поздних источниках. В 1493 г. по поводу службы князей Семена Федоровича Воротынского, Андрея и Василия Васильевичей Белёвских Литве Иван III заявлял послам великого князя литовского Александра Казимировича: «те князи воротынские и белевские наши слуги старые, деды и отци ихъ, служили нашимъ предкомъ великимъ княземъ, а не въ згуду отца нашего великого князя (Василия II. — Р. Б.) те князи были у его отца у короля (Казимира. — Р. Б.)»⁴⁶. В свою очередь, в 1567 г. князь Михаил Иванович Воротынский заявлял польскому королю Сигизмунду Августу: «предкове наши невзгодами своими [в] предковъ вашихъ съ своими отчинами въ руки пришли»⁴⁷.

⁴⁶ СИРИО. Т. 35. С. 105–106.

⁴⁷ В историографии высказывалось мнение, что текст обширного послания, включающего эти строки, был написан Иваном IV Грозным. Однако его составление явно не обошлось без участия князя М. И. Воротынского (СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 510; Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 261, 431–432).

С самого начала великого княжения Василия II время для Великого княжества Московского было беспокойным. Однако начало 1440-х годов не выделялось какими-то особыми «невзгодами», то есть политическими бедствиями, несчастьями, трудными и неблагоприятными обстоятельствами. Можно вспомнить, что в это время князь Дмитрий Шемяка находился в ссоре с Василием II, искал себе союзников и даже привлек на свою сторону князя Ивана Можайского. Однако князь Дмитрий Шемяка был еще слаб. Осенью 1441 г. Василий II сам разорвал с ним мирные отношения и совершил поход на его вотчину Углич. Князь Дмитрий Шемяка бежал, а затем 31 августа 1442 г. заключил с великим князем договор на его условиях. Князю Ивану Можайскому Василий II уступил Суздаль и в военный конфликт с ним не вступал [Зимин, с. 94–95]. Середина же 1440-х годов стала началом больших потрясений для Василия II.

В битве под Суздалем 7 июля 1445 г. Василий II попал в плен к татарам. В октябре того же года в сопровождении большой татарской свиты он был отпущен за обещание большого выкупа. Князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский составили против него заговор, обвинив в наведении на Русь татар. В феврале 1446 г. заговорщики схватили Василия II, ослепили его и отправили в заточение в Углич. Тогда князь Василий Ярославич Серпуховский и другие сторонники Василия II бежали в Великое княжество Литовское, где получили от Казимира поддержку. Под давлением обстоятельств 15 сентября 1446 г. князь Дмитрий Шемяка выпустил Василия II из заточения и дал ему Вологду. Однако Василий II бежал в Тверь, где получил поддержку от великого князя Бориса Тверского. Московские беглецы стали объединяться вокруг Василия II. Поэтому уже в ноябре того же года князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский собрали большие войска и встали на Волоке Ламском. Однако сторонники Василия II совершили маневр и 25 декабря 1446 г. заняли Москву. Услышав об этом, князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский вынуждены были оставить Волок Ламский и спастись бегством. Уже в самом начале 1447 г. они капитулировали, а 17 февраля Василий II с победой вернулся в Москву. С большим трудом князю Ивану Можайскому удалось на время примириться с Василием II. Борьба великого князя с князем Дмитрием Шемякой продолжилась до 1453 г. и окончилась гибелью последнего. Затем летом 1454 г. Василий II выступил в поход на Можайск, и князю Ивану Можайскому с женой и детьми пришлось бежать в Великое княжество Литовское [Зимин, с. 103–162].

Потеря зрения, власти (на время), части государственной территории, затем вынужденная многолетняя борьба со своими внутренними неприятелями, несомненно, были большим бедствием для Василия II. Именно в эти годы стали устанавливаться союзные отношения Василия II с королем Казимиром. В марте 1448 г. в Москву приезжал литовский посол Семен Гедиголович⁴⁸. Переговоры завершились заключением «вечного dokonчания» от 31 августа 1449 г.⁴⁹ В 1494 г. литовская сторона предлагала Ивану III возобновить договор по dokonчанию 1449 г. Однако московская сторона отказалась заключать новый договор на тех же условиях, мотивируя это тем, что прежний договор был заключен в «незгodu» Василия II⁵⁰. То есть в Москве период 1445–1449 г. (видимо, и далее до 1453 г.) явно воспринимался как «невзгода».

Какое же бедствие в это время постигло лично князя Федора Львовича Воротынского? Он находился на московской службе, но приходился тестем князю Ивану Можайскому и был его союзником. Поэтому поражение князей Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского в конце 1446 — самом начале 1447 г. вело к краху московской карьеры князя Федора Львовича. Очевидно, эта «невзгода» и привела воротынского князя на литовскую службу. Должно быть, и белёвские князья были недовольны утратой своей исконной вотчины и положением служилых заложников на Волоке Ламском. По-видимому, они вернули себе Белёв именно в 1446 г. — в несчастное для Василия II время, о котором в 1493 г. упоминал Иван III. Более позднюю легенду родословцев о том, что

⁴⁸ ПСРЛ. М., 2007. Т. 25. С. 269–270.

⁴⁹ LM. Кн. 5. 2012. № 394. Р. 247–250; № 541. Р. 356–259; ДДГ. № 53. С. 160–163.

⁵⁰ LM. Кн. 5. 2012. № 308. Р. 195–197; СИРИО. Т. 35. С. 115.

якобы сам Василий II отдал им Белёв⁵¹, можно понять и так, что великий князь уже по факту произошедшего вынужден был признать их право на их Белёвский удел Новосильско-Одоевской земли. Во всяком случае, ко времени заключения московско-рязанского докончания от 20 июля 1447 г. никто из князей новосильского дома уже не находился на московской службе⁵².

В начале 1448 г. князь Федор Львович Воротынский составил заговор с Казимиром, принявшим к тому времени польскую корону. По условиям их сделки, если король помог бы князю Ивану Можайскому занять московский престол, тот был готов идти на большие уступки Литве. При этом можайский князь без предварительных условий передавал в литовское подданство город Козельск⁵³. В тот же день 5 февраля 1448 г. Казимир передал князю Федору Львовичу Козельск в наместничество⁵⁴, а также существенно увеличил его земельные пожалования, переданные ему в вотчину⁵⁵. В итоге князь Федор Львович обратил свою московскую «невзгоду» в большую выгоду на литовской службе.

Таким образом, датировка докончания князя Федора Львовича с Казимиром 20 февраля 1447 г. в первую очередь исходит из палеографических наблюдений. Также она согласуется с показаниями Ивана III 1493 г. и князя Михаила Ивановича Воротынского 1567 г., которые характеризовали момент перехода князя Федора Львовича Воротынского на службу к Казимиру IV как время «невзгод» для Василия II и для самого воротынского князя. Кроме того, такая датировка хорошо вписывается в известный исторический контекст.

Литература

- Беспалов Р. А. Литовско-одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения // *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2012. Т. 4. Р. 45–62. [Беспалов, 2012а]
- Беспалов Р. А. О хронологии жизни князя Федора Львовича Воротынского // *Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований»*. 2012. № 21 (101). С. 24–40. [Беспалов, 2012б]
- Беспалов Р. А. Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // *Очерки феодальной России*. М.; СПб., 2015. Вып. 18. С. 3–48.
- Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. 224 с.
- Бяспалаў Р., Палехаў С. Гісторыя літоўска-наваасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў // *Беларускі гістарычны агляд*. Мінск, 2018. Т. 25. Сш. 1–2 (48–49). С. 173–227.
- Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца*. Киев, 1892. Кн. 6. Приложение. С. I–XIV, 1–88.
- Груша А. І. Беларуская кірылічная палеаграфія: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў гістарычнага факультэта. Мінск, 2006. 142 с.
- Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. 807 с.
- Домбровски Д. Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии XVI — первой половины

⁵¹ В объединенном родословце черниговских князей, составленном в конце 1520-х — начале 1530-х годов в скриптории митрополита Даниила (прежде игумена Иосифо-Волоколамского монастыря), ничего не говорилось о пребывании белёвских князей Федора и Василия Михайловичей и их сестры княгини Евпраксии на Волоке Ламском в опале [Бычкова, с. 75–76]. Однако эти сведения имелись уже в протографе Румянцевской редакции родословцев 1540-х годов и затем в Государевом родословце 1555 г. (РИИР. Вып. 2. С. 112–113; Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. 1. С. 180). Д. Домбровский заметил, что в родословцах черниговских Рюриковичей женщины упоминались крайне редко и только в тех случаях, когда их родственники занимали очень высокое положение в обществе [Домбровски, с. 174–176]. К его наблюдениям следует добавить, что актуальность появления в родословных книгах княгини Евпраксии Михайловны (матери Телепням) приходилась на период с конца 1533 до апреля 1538 г., когда ее внук князь Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский сделался фаворитом Елены Глинской, а сестра князя Ивана Овчины Аграфена Челяднина в эти годы была нянькой будущего царя малолетнего Ивана IV [Кром, 2010, с. 147–151, 155–161]. Поэтому можно думать, что волоколамская легенда о белёвских князьях появилась под пером митрополита Даниила в редакции родословных книг 1533–1538 г. Во всяком случае, она исходила не от самих белёвских князей, а от лиц, приближенных к великокняжескому двору.

⁵² В московско-рязанском докончании 1447 г. Василий II лишь оговаривал, что если новосильские князья «бьют ему челом», то и рязанский князь обяжется «взять с ними любовь по тому ж» (ДДГ. № 47. С. 144).

⁵³ ДДГ. № 50. С. 149–150; LM. Кн. 5. 2012. № 537. Р. 354.

⁵⁴ ДДГ. № 49. С. 149; LM. Кн. 5. 2012. № 536. Р. 353–354.

⁵⁵ LM. Кн. 3. Р. 37.

- XVII вв. (избранные примеры) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 170–183.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России в XV в. М., 1991. 286 с.
- Казакоў А. У.* Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навацільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2010. Вып. 3. С. 291–300.
- Каманин И.* Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1916. Вып. 2. С. 1–10.
- Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой половины XVI в. М., 1995. 304 с.
- Кром М. М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Леонид (Кавелин), архим.* Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // ЧОИДР. М., 1875. Кн. 4. V. С. 104–159.
- Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. VIII, 884, С, VI с.
- Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901. 850, 232, LXXII с.
- Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842. III, 899 с.
- Полехов С. В.* Смоленское восстание 1440 года // Исторический вестник. 2014. Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. М., 2014. С. 160–197.
- Пятрайскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада. Смаленск, 2014. 386 с.
- Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI вв. М., 2012. 364 с.
- Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. im. Ossolińskich.* Lwów, 1881. T. 1. 760 s.
- Kuczyński S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. 412 s.
- Lazutka S., Gudavičius E.* Deodato Septenijaus Goštautų «Panegirika» // Lietuvos istorijos metraštis. 1976 metai. Vilnius, 1977. P. 81–89.
- Malinowski M.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego. Wilno, 1847. T. 2. 518 s.
- Pietkiewicz K.* Paleografia ruska. Warszawa, 2015. 596 s.
- Rutkowska G.* Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). Warszawa, Neriton, 2014. 442 s.
- Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, 1885. VIII, 354 s.

References

- Bespalov, R. A.* Litovsko-odoevskij dogovor 1459 goda: obstoyatel'stva i prichiny zaklyucheniya [The Lithuanian-Odoev Treaty of 1459: Circumstances and Reasons of Its Concluding]. In *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2012. T. 4. P. 45–62.
- Bespalov, R. A.* О хронологии жизни князя Федора Львовича Воротынского [About the Life Chronology of the Prince Feodor Lvovich Vorotynsky]. In *Vestnik RGGU. Seriya "Istoricheskie nauki. Istoriografiya. Istochnikovedenie. Metody istoricheskikh issledovanij"*. 2012. № 21 (101). P. 24–40.
- Bespalov, R. A.* Rekonstruktsiya dokonchaniya Vitovta s knyaz'yami novosil'skogo doma 1427 goda [Reconstruction of the Treaty of Vitovt with the Princes of the Novosil House in 1427]. In *Ocherki feodal'noj Rossii*. M.; SPb., 2015. Vyp. 18. P. 3–48.
- Bjaspalaw, R., Palehaw, S.* Gistoryja litowska-navasil'skih dagavoraw 1427–1491 gadow i litowska-varatynskija gramaty 1483 i 1488 gadow [The History of the Treaties between the Grand Duchy of Lithuania and the Principality of Vorotynsk (1427–1491) and the Lithuanian-Vorotynsk documents of 1483 and 1488]. In *Belaruskij gistorychny agljad*. Minsk, 2018. T. 25. Vol. 1–2 (48–49). P. 173–227.
- Bychkova, M. E.* Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie. [The Composition of the Class of Feudal Lords of Russia in the 16th Cent. Historical Genealogical Research]. M., 1986. 224 p.
- Golubev, S. T.* Drevnii pomyannik Kiyevo-Pecherskoy lavry (kontsa XV i nachala XVI stoletiya) [Ancient Memorial of Kiev-Pechersk Lavra (Late XV and Early XVI Century)]. In *Chteniya v Istoricheskom obshchestve Nestora letopisca*. Kiev, 1892. Kn. 6. Prilozhenie. P. I–XIV, 1–88.
- Grusha, A. I.* Belaruskaja kirylichnaja paleografija: Vuchjebny dapamozhnik dlja studentaw gistorychnaga fakul'tjeta [Belarusian Cyrillic Paleography: A Manual for Students of the Faculty of History]. Minsk, 2006. 142 p.
- Dombrovski, D.* Poiski drevnerusskikh predkov so storony semej VKL i Moskovii XVI – pervoj poloviny XVII vv. (izbrannye primery) [The Search for Ancient Russian Ancestors from the Families of the Grand Duchy of Lithuania and Muscovy of the 16th – the First Half of the 17th Cent. (Selected Examples)]. In *Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavjanskogo (ne)edinstva*. M., 2017. P. 170–183.
- Dovnar-Zapol'skij, M. V.* Gosudarstvennoe hozyajstvo Velikogo knyazhestva Litovskogo pri Yagellonah [State Economy of the Grand Duchy of Lithuania under the Jagiellonian]. Kiev, 1901. T. 1. 807 p.

- Kamanin, I.* Soobshchenie poslov Kievskoj zemli korolyu Sigizmundu I o Kievskoj zemle i kievskom zamke, okolo 1520 g. [The Message of the Ambassadors of the Kiev Land to King Sigismund I about the Kiev Land and the Kiev Castle, circa 1520]. In *Sbornik statej i materialov po istorii Yugo-Zapadnoj Rossii, izdavaemyj Kievskoj komisiej dlya razbora drevnih aktov.* Kiev, 1916. Vyp. 2. P. 1–10.
- Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. im. Ossolińskich. Lwów, 1881. T. 1. 760 p.
- Kazakow, A. U.* Nevjadomae dakanchanne karalja pol'skaga i vjalikaga knjazja litovskaga Kazimira i knjazja Navasil'skaga i Adoewskaga Mihaila Ivanavicha 1481 g. [The Unknown Agreement between Kazimir the King of Poland and the Grand Duke of Lithuania and Michail Ivanovich the Prince of Novosil and Odoev]. In *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy.* Minsk, 2010. Vyp. 3. P. 291–300.
- Krom, M. M.* Mezhd Rus'yu i Litvoj. Zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskih otnoshenij konca XV – pervoj poloviny XVI v. [Between Russia and Lithuania. West Russian Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the Late XV – the First Half of the 16th Cent.]. M., 1995. 304 p.
- Krom, M. M.* "Vdovstvuyushchee carstvo": Politicheskij krizis v Rossii 30–40-h godov XVI veka. ["The Widowed Kingdom": The Political Crisis in Russia in the 30s – 40s of the 16th Century]. M., 2010. 888 p.
- Kuczyński, S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. 412 p.
- Lazutka, S., Gudavičius, E.* Deodato Septenijaus Goštautų «Panegirika». In *Lietuvos istorijos metraštis. 1976 metai.* Vilnius, 1977. P. 81–89.
- Leonid (Kavelin), arhim. Opisanie lihvinskogo Pokrovskogo Dobrogo muzhskogo monastyrya [Description of the Likhvinsky Pokrovsky Dobryy Monastery]. In *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh pri Moskovskom universitete.* M., 1875. Kn. 4. V. Smes'. P. 104–159.
- Lyubavskij, M. K.* Oblastnoe delenie i mestnoe upravlenie Litovsko-Russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo litovskogo Statuta [Regional Division and Local Government of the Lithuanian-Russian State at the Time of Edition of the First Lithuanian Statute]. M., 1892. VIII, 884, C, VI p.
- Lyubavskij, M. K.* Litovsko-russkij sejm. Opyt po istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshneyu zhizn'yu gosudarstva [Lithuanian-Russian Sejm. Experience in the History of the Institution in Connection with the Internal System and the External Life of the State]. M., 1901. 850, 232, LXXII p.
- Malinowski, M.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego. Wilno, 1847. T. 2. 518 p.
- Opisanie russkikh i slavyanskikh rukopisej Rumyancevskogo muzeuma, sostavlennoe Aleksandrom Vostokovym [Description of Russian and Slavic Manuscripts of the Rumyantsev Museum, Compiled by Alexander Vostokov]. SPb., 1842. 850, 232, LXXII p.
- Pietkiewicz, K.* Paleografia ruska. Warszawa, 2015. 596 p.
- Pjatravskas, R.* Litovskaja znac' u kancy XIV–XV st.: Sklad – struktura – ulada [Lithuanian Nobility at the End of the 14th – 15th Cent.: composition – structure – power]. Smalensk, 2014. 386 p.
- Polekhov, S. V.* Smolenskoe vosstanie 1440 goda [Smolensk Insurrection of 1440]. In *Istoricheskij vestnik.* 2014. T. 7 (154): Litva, Rus' i Pol'sha XIII–XVI vv. M., 2014. P. 160–197.
- Rutkowska, G.* Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). Warszawa, Neriton, 2014. 442 p.
- Shekov, A. V.* Verhovskie knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI vv. [Upriver Principalities. The Middle of the 13th – the Middle of the 16th Cent.]. M., 2012. 364 p.
- Wolff, J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, 1885. VIII, 354 p.
- Zimin, A. A.* Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya vojna v Rossii v XV v. [The Knight at the Crossroads: The Feudal War in Russia in the 15th Cent.]. M., 1991. 286 p.

Roman A. Bespalov

Independent researcher, Belyov, Tula Region, Russia

ABOUT THE DATING OF THE TREATY BETWEEN PRINCE FYODOR LVOVICH VOROTYNSKY AND THE GRAND DUKE OF LITHUANIA CASIMIR

The treaty between Prince Fyodor Lvovich Vorotynsky and the Grand Duke of Lithuania Casimir was preserved in a copy made in the late 16th century. In its dating the year and the indiction do not match and have a five-year discrepancy. In this study, an attempt was made to determine the true date for the conclusion of the treaty.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow, Novosil-Odojev Land, Upriver Principalities, diplomatics